

Алексей Зубов

**Рождение
Богини**

Алексей Зубов
Рождение Богини

«Издательские решения»

Зубов А.

Рождение Богини / А. Зубов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851914-7

Невероятные приключения красотки Анны и храброго оперативника
Пуговицина, которому в отчете придется просто переписать всю эту историю.

ISBN 978-5-44-851914-7

© Зубов А.
© Издательские решения

Рождение Богини

Алексей Зубов

© Алексей Зубов, 2017

ISBN 978-5-4485-1914-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я очнулся от фантастически-болезненных грёз (они ядовито разрушают меня, они тихо, как старые ведьмы Макбета, превращают меня в амебу) под гордые, призывные удары колокола – Набат! – я тотчас обернулся к жизни. Сосед сверху, с которым у меня чуть деловое и, скорее, даже шапочное знакомство (мы как-то случайно опохмелялись вместе одним прохладным майским утром – помню, было пять утра по-московскому – но он остался в том блаженстве навсегда, а я соскочил), бил старой пудовой гирей в милый, такой до сантиметра изученный и почти лишенный штукатурки, мой потолок – очевидно, была новость.

Я подошел к окну (когда-то кое-кому – но, надеюсь, не мне! – его придется мыть), с треском рвя наклеенные на мыло газеты, открыл ветхие деревянные створки (я не меняю окна – мне жаль сказки: пластиковые окна не дают прогреть в ледяном пятне дыхания пальцем дырочку, и подглядывать за таинственным зимним двором), и свесился через трещиноватый подоконник вниз – там уже виднелся юно-черный, перезимовавший тротуар.

– Весна, кажись, наступила, – сообщил сосед (он обильно употребляет ненормативную лексику, я перевожу), – чуешь ноздрями-то?

Я чуял.

Да, это был прозрачный, голубой ветер метаморфоз (Вы, острословы, знаю я Вас! «Голубой ветер» – никакого подтекста, мы же художники – я и макнул кисть в голубую краску), ветер, срывающий старые маски, декорации и продувающий мозги от пыли и затхлости.

Зима уходила, и старый Бог («брателло», как называл его окочурившийся этой зимой приятель – ох и намучились мы мерзлую землю долбить, когда прикапывали, уж потом, когда по сто грамм за упокой души тяпнули, Боря-боцман сказал, как раньше на флоте хорошо было – привяжут чушку к ногам, в мешок и в воду – океан всех примет), да, Бог оставил меня еще немного покаяться, не прибрал; Бес, видимо шибко занятый вытряхиванием вшей из старого тулупа, не свел с ума; следовательно, с присущей его организации гуманностью, не стал расшатывать мне передние зубы: и даже Марья Ивановна Чердыкина (женщина строгого ума и крайне правых политических взглядов) не «повыцарапала» мои наглые, бесстыжие глазенки.

Я вдохнул этого животворящего ветра и снова ощутил любовь к людям; я снова ощутил потребность дружить и ссориться; спорить и соглашаться; читать милый лепет юных и мудрые советы старших; я заново открыл классиков; я склонил голову перед наукой – да, я изменился – мои прежние кожа и мясо спали, как ветхие одежды, и новая, незнакомая еще плоть звала к новой жизни. К новым трудам.

На площадке третьего этажа элитного дома, дежуривший уже около часа охранник с лицом озабоченным, как у хирурга, увидавшего в брюшной полости пациента дополнительную работенку, услышал в рации хриплое: «Выходим». Он мгновенно передал охраннику, осторожно озирающему улицу: «Готовность первая». Все поднапряглись. Дверь квартиры —

это была весьма неплохая многоуровневая квартирка, даром, что не пентхаус (кстати, зимний сад на крыше к ней примыкал), – распахнулась, и сам Антон Басов – ничего себе, да? – в расстегнутом пальто, без шляпы решительно вышел наружу. Басов был почти олигархом,

но маленьким, можно сказать, олигархеночком или олигархиком (вот язык! – не дает олигарха уменьшить). Он молодецки побежал вниз по ступеням – охранник, как барс скользил следом – двери подъезда распахнулись будто сами, и Антон Сергеевич буквально выпрыгнул во двор, к стоящему «Шевроле Корвету». Как красивы были эти люди! Каким приятным мужеством светились их утомленные бизнесом лица! Как точно, со вкусом был подобран их гардероб! Я всегда благоговел перед аристократией – носительницей манер и примером для подражания.

Но день был так по-весеннему мил, так детски свеж, что Антон Сергеевич на секунды замешкался (нет, чтоб сесть в этот «Шевроле», да и укатить, и пришлось бы тогда, как Пришвину, ручейки описывать), зачем-то замер возле открытой двери автомобиля, потянул носом талый воздух. Ну, и получил. Порыв ветерка-шалуна (нарочно больше не буду употреблять слово «голубой» – и так, наверное, я многих раздражаю) подхватил лежащий на асфальте мокрый полиэтиленовый пакет с бесстыжей фотографией какой-то кинодивы, и вклеил его прямо на плечо Антону Сергеевичу, прямо на новое пальто. Пальто такие раньше шили из «шевиота», а сейчас и не знаю из чего, но дорогое что-то.

Басов был с детства брезглив до визга пороссячьего – упаси Боже, если нянька откусит, пробуя, мягка ли для детских зубиков, конфету, или волосок кошачий в рот попадет (кошечек мама Антона очень любила) вместе с супом – а как не попасть? «Стёпа такой важный, ну никак со стола не согнать. Проказник пушистый».

Брезгливость и бизнес выработали у Антона умение быть решительным и быстрым. Он мгновенно снял новое пальто и швырнул его куда подальше. Сел в шикарное авто и уехал – охрана следом на своем джипе. А нам все они больше и не нужны – главное дело – пальто.

Оно пролетело, расправляя рукава, метров десять и распласталось на груди мужчины лет тридцати с лицом, выдававшим легкое скольжение мыслей и любовь к приключениям.

Мужчина, хоть и обладал авантюристической внешностью, одет был неважно. Рубаха его была чиста, но вот вязаный жилет казался уже староватым, а ботинки были просто «фу,

где такие выдают – на киностудии?» Получив из воздуха новое пальто, мужчина мигом накинул его и, убедившись, что пальто пришлось впору, удовлетворенно зашагал дальше по своим делам – интересно, каким? Дела привели его на одну из центральных улиц, где вдоль мытых с порошком тротуаров тянутся обольстительные витрины бутиков. Одна из витрин привлекла внимание мужчины – внутри молоденькая девушка одевала манекены. Мужчина остановился, и некоторое время с интересом наблюдал за девушкой.

– Игра в куклы древнее шахмат, а развивает не меньше и тоже приносит свой гешефт, – наконец произнес он вслух. Он был из тех, кто любит разговаривать сам с собой. И постучал в стекло витрины.

Оля Перминова – та, которая второй месяц работала в бутике «Кокет» продавцом обуви, та,

что мучилась сейчас с облачением манекенов, которая только что услышала от старшего менеджера: «убрала сейчас же этот барный макияж», а в ответ процедила: «кошелка старая»,

– Оля оглянулась на стук и увидела симпатичного, по-доброму улыбающегося мужчину, который ей жестами показывал: «пусти к себе». «Зачем, интересно?» – подумала Оля и вышла через узенькую боковую дверь на улицу.

– Ради Бога, извините, – мужчина был застенчив, но авторитетен, – я только хотел вам сказать – в Риме для облачения манекенов используют специальный крем.

– В Риме?

– Да, но мы, в нашей дизайн студии используем обычное мыло – я могу показать.

Они вместе зашли внутрь витрины и, действительно, костюмы спустя мгновение были ловко одеты умелыми руками незнакомца – здорово!

– Спасибо, вот выручили! – искренне благодарила Оля важно кланяющегося незнакомца.
– А уж как вы меня, – ответил он и пошел дальше.

Оля закрыла витрину, и никто (чуть ли не месяц) не замечал, что у одного манекена спортивный костюм для гольфа плохо сочетается с туфлями а-ля Чарли Чаплин.

Так удачно разделавшись с неприятной работой, Оля забилась в уголок бутика – благо, посетителей как будто не предвиделось – и вернулась к чтению увлекательной истории. Она скачивала чтиво с пиратских сайтов, женской интуицией справедливо угадывая неоспоримую истину: творение человеческого духа, как вода в реке, принадлежит всем жаждущим бесплатно. (Я, грешным делом, полез в электронные издания, надеясь «подтянуть штаны» – ну дурачок, что еще скажешь.)

История, которую читала Оленька (можно Оленька? Она такая славная девушка), была о – а лучше вот что. Лучше я вам ее расскажу.

В Пензенской области, а именно в селе Тютяняры, проживало два фермерских семейства —

Петуховы и Уткины. Семьи были старинные, с хорошими традициями и породой хороши: Петуховы были сплошь брюнеты-красавцы, а Уткины – блондины и тоже видные очень.

Хозяйства у каждой из семей были огромные, дел делалось и тут и там уйма – одного не хватало – любви между главами семейств Петуховых и Уткиных не было, а была не вражда, не война, а глухая напряженность.

– Марусь, – говаривал за обедом Петухов-отец, – случись что, я этому Уткину глаз вышибу.

И важно набирал ложкой наваристые щи.

Маруся опускала огненные глаза.

– Люба, – говорил порой за обедом Уткин-отец, – а ведь доведись такое дело, я этому Петухову ноги с корнем вырву.

И макал в «маковницу» толстенький пельмень.

Люба отворачивалась волшебным профилем к окну.

Ага, вы, наверное, догадались, что тут дело «не чисто» – какая-то тайная связь существует между юными членами фермерских семейств, но речь не о том.

Как-то, когда главный Петухов отдыхал, сидя на старом тракторном колесе, к воротам его усадьбы подкатил грузовичок Уткиных, и сам Уткин-главный вылез из кабины, присел два раза, разминая ноги, и стукнув громко в калитку, взошел на двор.

Главы враждующих кланов сдержано поздоровались. Постояла пауза – Петухов ждал.

– Слышь, сосед, – наконец открыл цель своего визита Уткин, – не возьмешь ли навоза у меня?

Много больно.

Сердце Петухова тревожно забилося – навоз был ценность.

– А что возьмешь? – равнодушным тоном спросил он.

– Да вот хоть помидоры. Помидоры у тебя хороши.

Сделка была заключена к обоюдному удовольствию сторон.

Навоз в невероятных количествах стал поступать на ферму Петухова, взамен на ферму Уткина шли отборные помидоры. Из помидоров делалась паста, лечо и прочие вкусности, навоз хранился в высоких кучах – перепревал. Торговля, как известно, способствует и дружбе. Дружба не дружба, но отношения между соседями стали не такими напряженными,

что, дескать, «ноги вырву», и, получив новую порцию навоза, Петухов покобенился немного, да и отдал Марусю за Уткина-младшего.

– К сватам жить ушла, – говорил он знакомым, – к свекру. Ну, так и по-людски, по-русски.

Вдруг, неожиданно, Петухов-младший объявил, что женится на Уткинской дочери, и они будут жить у тестя с тещей!

– Сын, – с тихой яростью говорил Петухов, глядя на свои сапоги, – я для кого стараюсь? Я для кого столько навоза набрал? Как же ты?

– Ну не может «она» запах этот переносить – тошнит.

– Она это она, а ты? Тебе-то он родной – свое-то дерьмо вкусно пахнет.

Но сын со снохой ушли жить к ее родителям.

Усадьба Уткиных стала шумным, веселым местом, где жила молодежь, цвели клумбы с цветами, и меж берез болтались деревенские качели. А у Петуховых тоже было неплохо – одно мешало, из-за гор навоза пройти негде было. Но Петухов старший вслух мечтал:

– Вот внучата родятся, еще поглядим, какого дедушку они больше любить будут. «Помидорного» дедушку или который с навозом. Петуховский навоз – это сила! А у тех что – цветочки. Куда им с «культурой» против навоза. Смех!

Я случайно заглянул дальше – оказывается, Оленька читает роман! Я так много ни читать, ни писать не в силах – наступают жуткие головные боли, так что прервем эту линию.

Да и тема непонятная – при чем тут навоз? Вот я давеча возвращался с рыбалки (просидел на льду три часа – хоть бы одна поклевка!), и встретил Огонькова – он прямо с ума сходил от радости. «Что случилось-то?» – говорю, а он: «Счастье привалило!» и какую-то зелененькую бумажку мне в нос тычет. «Нашел, – говорит, – под скамейкой, когда мусор прятал». А на льду пока сидишь, люди разные, тоже рыбаки, подходят, интересуются успехами, ну и наливают, что прихватили, так что зрение к концу неважное становится. Я говорю: «Билет что ли, в театр?» Он посмотрел, как на придурка и ушел. Я подумал – кому ведь что дорого, то и ценность.

Да, а что же тот незнакомый нам пока что мужчина? Куда он направляется? Вот куда.

Незнакомец подошел к вращающимся, стеклянным дверям офиса крупной холдинговой компании и остановился кого-то поджидая. Люди, проходящие в двери, пристально им разглядывались, но чем-то, видимо, раздражали – он недовольно морщился. «Что за неуместное веселье», – бормотал он. Наконец, одна пара посетителей его удовлетворила (может быть выражением лиц? Лица у обоих были чопорные, как у профессионалов ведущих похоронные обряды) – он добродушно улыбнулся и, пропуская их вперед, зашел следом. Внутри сектора, ограниченного вращающимися створками, незнакомец как-то неловко наступил одному из этой пары на пятку, да так, что сдернул туфель. В это же время они вышли в холл и прошли мимо секьюрити – незнакомец впереди, а те двое сзади. Один (и все-таки с каменным лицом!) подпрыгивая, поправлял туфель и привлекал внимание.

– Я не буду снимать пальто, меня подзнабливает. Вы можете раздеться там и присоединяйтесь, – небрежно сказал он немного ошарашенной парочке, затем, не глядя на секьюрити, прошел к лифтам и уехал.

Весенний ветерок мягко проскользнул через двери и разметал бумаги с фамилиями приглашенных на важное собрание по стойке секьюрити.

– Кто это? – осторожно спросил охранник, собирая бумаги и проверяя документы у как бы «сопровождающих».

– Это большой любитель наступать на пятки, – желчно сказал «потерпевший» посетитель,

– банкет по поводу слияния тех-то и тех-то на шестом этаже, я правильно понял?

Охранник информацию подтвердил, потом подумал и озабочено передал по рации: «На шестом этаже усильте наблюдение, кажется, „гость“ пожаловал». А сам решил посмотреть видеозапись с незнакомцем. Черт!

Камера, снимающая вход, оказалась отключенной.

Надо немного рассказать об этом охраннике. Звали его Петя, хотя по годам пора бы уже было именоваться и Петром Ивановичем. Петя попал в охранное предприятие по очень простой причине – с шестнадцати до двадцати пяти он выступал на соревнованиях по самбо, с двадцати пяти до тридцати он отбывал срок за хулигански-разбойное поведение, потом он некоторое время делал чистые документы и работал таксистом, а к сорока полностью созрел для работы охранником. Чем он будет заниматься с пятидесяти – ответ знают наши мудрые экономисты, так точно прогнозирующие непрекращающиеся убытки. Вот грустная специальность! Цыганки хоть иногда обещают удачу.

Так. Давайте-ка попьем кофе, и я продолжу.

На шестом этаже делового небоскрёба «Итака» в громадном, исполненном в мраморе и дорогушем Рижском цветном стекле зале, приспособленном под проведение различных бизнес церемоний (там был и стол-фуршет, и маленькая эстрада с негромким джазовым трио (лысенский ударник неплохо щеточками работал), и фонтанчик с мраморными лавочками-бортами, и вазоны с цветами, за которыми прятались те, кто не любил эlegantного общества, но присутствовать вынуждала должность) проходила начальная часть (а это речи, речи) слияния двух медиа-холдингов – «Нью фо ю» и «Нью фо ол».

Предполагалась покупка большого пакета акций ведущими менеджерами (если вы не знаете, объясню, что акции тут же можно и нужно было продать по рыночной цене, положив разницу в карман), и шепотом передавалось, что Петр Ильич перед этим любезно вручит каждому менеджеру по толстенькому конвертику с некой суммой, а после «опциона» эту сумму неплохо бы перевести на указанный внизу (для туповых – они и среди топ менеджеров попадают) счет на Кипре. Как пожертвование для больных чахоткой. Словом, загадки, тайны и недомолвки. Почему сам Петр Ильич не относил всю сумму, весь чемодан с «рванными» в банк, и не отправлял куда хочется – не нам судить. Может, просто не хотел, может, любил долгие увертюры.

Анна – да, наконец-то героиня, притом настоящая, а не Оленька из бутика – иронично разглядывала гостей, машинально ставя каждому «оценку» по девичьей шкале «смешной-никакой-классный» (мне очень нравится такой тип женщин, а иначе, зачем бы я сделал ее героиней?) – она работала помощником редактора сайта «Женские бирюльки», и тоже была в числе приглашенных.

Это была вполне симпатичная брюнетка, лет тридцати или около того, уже с той характерной грустью в глазах, что селится у всех женщин, переживших влюбленность, любовь, развал любви, её возрождение и мечтательную безнадежность придуманного счастья.

– Здесь полным-полно образчиков для карикатур, – услышала она за своей спиной хрипловатый мужской голос – очень странный, вызывающий незнакомый, но приятный холодок в пояснице. Она обернулась. Ей улыбался одним уголком рта мужчина – наш незнакомец. Анна легонько улыбнулась в ответ, но ничего не сказала. «Мы незнакомы, а он, наверное, из „ведущих“ – одет хорошо, и ведет себя уверенно – „покоритель одиноких женщин“, кстати, а ты – ты уже одинока или нет еще?».

– Я предлагаю не знакомиться, – продолжал мужчина, очевидно обращаясь к ней, – в общении с незнакомым есть бездна прелести – занятно ведь сделать что-нибудь необычное, даже чуть криминальное вместе с человеком, которого вовсе не знаешь.

Анна снова обернулась (это была простая реакция на реплику) и посмотрела в глаза незнакомцу. Он тоже смотрел на нее, но не в зрачки, а на переносицу.

– К тому же, – продолжал незнакомец, – «незнакомство» питает мечту о случайном знакомстве – мы же все этим больны, годами ждем.

– Тогда давайте не знакомиться, – Анна ответила. Зачем? Дурочка. Нельзя было этого делать! Ее голос, мягкий и нежный, был пойман, окунут в яд любопытства и потек обратно к ней уже «его» голосом. (Холодок всё возрастал – теперь уже щемило сердце, как на вершине «американских горок».)

– Тогда, прекрасная незнакомка, – Анна смотрела в его зрачки, и те казались ей почему-то квадратными. «Вот странная игра света, он как бессмертный даос», – обменяемся разгадками

невинных тайн: я покажу вам, чего в реальности стоят все эти люди, и ваш Петр Ильич в том числе, а вы покажите... кабинет главного редактора – я коллекционирую интерьеры офисов.

– Вы дизайнер?

– Конечно, я улучшаю реальность.

«Глупо как-то, а что бы ни сводить, не показать? Но ведь мы уже идем к кабинету главного. Он что, гипнотизер? А если он возьмет (что за слово мерзкое!), возьмет – что возьмет, кого возьмет. Меня возьмет».

На долю секунды она представила «это», и вдруг поняла, что нисколько, с каким-то бесовским злорадством не боится «этого».

Анна испуганно оглянулась. Незнакомец дружески улыбался:

– Приключения всегда пугают, но без них жить не получится. Получится, как в скверном переводе, «Быть».

«Ты же сама ждала чего-то, вот и лети». Анна открыла дверь кабинета и, пропустив незнакомца внутрь, закрыла ее за собой. Они были одни в замкнутом пространстве.

Еще очень многого не сказано, знаю. Не сказано, покрашены ли ногти на ногах у Анны и сами ноги – стройны ли? Ты, давай, сделай так, чтоб стройные были! Волосы у нее что – кудрявы или прямые, а нос какой? С горбинкой, прямой или вогнутый? Лифчик удобный или нет, и кто фирма производитель. Да, наконец, кто ее родители, кто ее воспитывал, в конце концов? А этот незнакомец – он-то кто?

Но если говорить обо всем – легко можно докатиться до фраз, типа: «Эни-бэни-ряба». И начать пускать ртом пузыри.

Теперь хорошо вставить описание среднерусской природы, а для того надо погулять. Делаем паузу.

Разговоры о погоде – единственно допустимы в мало-мальски респектабельном обществе. Немногие достигли того аристократического совершенства, что и разговор о погоде становится излишним – они, эти образчики хороших манер, лишь обмолвливаются фразами: «Как вы, ничего?» – «Ничего, благодарю вас», и удовлетворенно молчат. Им хватает. Правительству, однако, следует ввести в школьную программу предмет: «Разговор о погоде в обществе». Многие слишком остро безграмотны в этом вопросе, даже дики. Я встречаю знакомых, вернувшихся с толстыми чемоданами сувениров из Италии: «Как там, что за климат?» – «Прелесть!» Я встречаю прилетевших с лопающимися сумками из Вьетнама: «Что там? Климат-то как?» – ответ тот же хамский, болезненно царапающий душу мою русскую: «Чудный климат. Рай на земле». Ну разве так можно. Следует легонько, с иронией пожуричь климат соседей (упомянуть, например, мух), похвалить (хотя бы за то, что учит терпению – а это качество благородное!) наш, отеческий, и заодно припомнить какой-нибудь необычно смешной, силь-

ный снегопад в июне или дивную грозу в январе – вот вам и тема для разговора, вот и вечер скоротали!

Незнакомец, несомненно, имел хорошую школу – пройдя в центр кабинета, он потянул носом редакторский воздух и сказал:

– Мало, слишком мало весны.

– Здесь кондиционер, хотите, я включу? – предложила Анна. «Что мы будем делать, и когда?»

– Это машинерия, а хочется подлинного. Надо проветрить – без кислорода и приключения в тягость.

Незнакомец вел себя, словно старый маг – он и не смотрел на Анну – она была ученик, не более.

Окна (они были огромны – от пола в потолок) угрюмо смотрели на двух людей, как твердые, затемненные преграды между миром интеллектуального бизнеса и реальным миром.

– Для таких случаев я ношу с собой карандаш стекольщика – старинное изобретение человеческого гения, – незнакомец вынул из кармашка и показал Анне маленькую коричневую палочку, – я вас прошу, помогите – брызните из того вон пульверизатора, по моей команде.

Анна послушно взяла цветочный пульверизатор (главный редактор обожала цветы, особенно

настурцию – старая закалка!), а незнакомец нарисовал на оконном стекле большой круг, перекрестил его двумя линиями, приклеил к стеклу скотч (скотча в кабинете хватало) и, поднеся зажигалку к кругу, поджег его! Да, нарисованные круг и крест горели.

– Брызгайте, – раздалась властная команда.

«Что я делаю – это же преступление», – мелькнуло в голове у Анны, и она брызнула. Раздался звук: «Чпок» – и куски стекла были вынуты из отверстия и аккуратно сложены вдоль стены.

Свежий ветер тут же ворвался внутрь, туда, где его не было очень давно – последний раз он был тут, когда «оконщики» перед последним стеклом допили «чекушку», швырнули ее вниз на горы строительного мусора и, вздохнув, взялись за ровно чугунную фрамугу, присовокупив: «С Богом, заткнем и это».

– Нас накажут, – сказала Анна не думая, окунаясь в этот замечательно пьянящий ветер оживления, ветер пиратов и королей.

– Если наказание неизбежно, то да. Но ведь мы вводим свои правила – хотите?

Голос незнакомца уже был голосом её воли, её тайных желаний, того, о чём и мечтать-то страшно, а мечтается.

В круглое отверстие с тихим клекотом влетел вертолет и мягко опустился на редакторский стол.

– Тут кое-какой инвентарь – глупо, согласитесь, таскать инструменты мимо охраны. Охрана часто неадекватна.

Незнакомец отцепил от вертолета пакетики, потом подошел к стене, отделяющей кабинет редактора от соседнего, и легонько постучал по ней. Звук был музыкальный, не бетонный.

– Хорошо нынче делают стены, – заметил он, – дошло, наконец, что все стены – это декорации, и их нужно иногда трансформировать.

Он достал обычный нож, с размаху воткнул его в стену и, двигая им, наподобие консервного, стал выбирать в стене шель.

– Вы вор? – тихонько выдохнула Анна. «Он вор, а я воровка – чудный финал карьеры».

Незнакомец насмешливо посмотрел на нее.

– Нет, это не моя специальность. И потом кража предполагает наличие собственности — ценностей, которые принадлежат личности или нескольким личностям. А вы только что сказали, что здесь нет ни личностей, ни ценностей.

– Я разве говорила, – Анна осеклась. «Но ведь подумала».

– В таком тревожном состоянии, я вас к сейфу не поведу.

«К сейфу – значит, мы воры, но он сказал, что нет. Он не лжет мне. Я даже не думаю позвать охрану, почему мне так странно хорошо, я хочу продолжения, Боже, как хорошо», – у Анны мир кружился, кривлялся и хохотал, как цирковой паяц.

Незнакомец отвалил кусок стены, и получился удобный лаз – как раз для проникновения в кабинет... А! Кабинет-то был Петра Ильича – шутите! – и в нем стоял сейф, а в сейфе... И нам бы хватило, и еще поделились бы с соседями – и им бы хватило.

– Вам слишком мешает воспитание, вас изуродовали в детстве – отрезали крылья.

– Мама с папой любили меня, любят...

– Те, кто любит, глаже и причесывают. А «лишнее» состригают. Мы все любим «кукол». Вас наверняка баловали.

– Нет.

– Значит, сильно баловали.

Незнакомец смотрел на нее – опять на переносицу – и казался вдруг постаревшим.

– Я вижу девочку лет трех, крутящуюся возле стола взрослых: «Я тоде кацю, дате, пода-лута это ... – Анэтта, ты не будешь „это“ кушать. – Буду. Дате... Нет, не кацю» – и кладет «это» изо рта на стол.

Ваша семья была старинной интеллигентной семьей, семьей, которую счастливо миновали гонения, которая хранила дух Чехова, Пушкина – всего, что, казалось, смыли революции, войны, и бессмысленное экономическое соревнование с соседом, у которого козырей в рукаве, как у дурака фантиков. Вы считаете себя аристократкой. Жаль. Аристократия – это маленькая толпа, это элита большой толпы, но психология та же: страх и ненависть иного, требование равенства, а значит, коллективная нищета в душе. Немногие, нынче таких и нет, выбрали нищету добровольно, большинство нищенствует принудительно – отсюда беспощадная жестокость наших нравов. Жестока толпа, жестока элита – вам стоит узнать одну легенду.

«Как он узнал мое имя?» – подумала Анна и погрузилась в легенду.

Легенда о Желтой реке.

Юноша из порядочной семьи, семьи давно не обремененной пошлой заботой, как и где зарабатывать – на семью «работали» семейные деньги, любил, чтобы время шло весело. Для созидания веселия он содержал (давал займы и не требовал возврата) двух друзей – у тех денег было гораздо меньше, а это стимулирует мозговую деятельность. Один усиленно придумывал приключения с погонями на авто, второй специализировался на девушках. Девушек, таких, как на обложке «Максим» (внешне, а внутренне не знаю, да есть ли там внутренности?) привозили к бассейну, к столикам с фруктами, к музыке – и ласково предлагали стать одалисками в этом демократичном гареме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.